

Т. В. Горбунова⁵

ПЕТЕРБУРГ КАК «ПРОИЗВОДЯЩИЙ ЛОГОС»

Тема Петербурга неисчерпаема как для художественной практики, так и для теоретической мысли;

многоликость города неизменно отзывалась в многообразии его трактовок, описаний, интерпретаций. Обсуждая, например, этот город как градостроительный

⁵ Заведующая кафедрой искусствоведения и культурологии Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии, доктор философских наук, профессор.

эксперимент, отечественные исследователи каждый раз находили свой ракурс его понимания. Так, для С. Даниэля это город — интерпретатор Европы в России, и поэтому справедлив герценовский парадокс: «Петербург тем и отличается от всех городов европейских, что он на все похож». А для Е. Кириченко Петербург вовсе не похож ни на один город Западной Европы, поскольку это не город-крепость эпохи Возрождения и не город-резиденция барокко и классицизма: в типологическое единство он входит лишь с городами-столицами, где градостроительный эксперимент сопровождался радикальным обновлением (это скорее «латиноамериканско-русско-балканский вариант»). С подобной позицией, возможно, не согласились бы Т. Саваренская и А. Бунин, которые считают, что «типологически близкая» Петербургу столица — Бразилиа — кардинально отличается от него, ибо производит впечатление макета, увеличенного во много раз. Но в таком случае можно вспомнить несколько иную точку зрения Ю. Лотмана, утверждавшего, что строгая выдержанность ансамблей Петербурга провоцирует «ощущение декораций». Вообще метафора города-театра была близка многим.

Однако многочисленные интерпретации всегда «сплетались» в традиционное единство через тезис, что это — *град Петра*, построенный в забытом богом месте, на бескрайней плоскости равнины с бесчисленными болотами, с жестоким морским ветром. Действительно, геометрия архитектурных построек, демонстрирующих, как воля человека-завоевателя умеет «обуздать» и упорядочить бескрайность безлюдного пространства, удивляла и призывала к пониманию. Но, как известно, уже в античности геометрия была прежде всего «формой мышления» и не равнялась «бытийной мысли», которая заключала в себе нечто неизмеримо большее. Ведь совсем не случайно прозвучала тогда знаменитая мысль Аристотеля, что чем-то великим и трудноуловимым кажется «топос» — то есть «место-пространство».

Возможно, впервые природное пространство, где строилась новая столица России, со всей очевидностью выступило как величайший оппонент и одновременно величайший сообщник. Эти болотистые пространства привлекли в Россию многих именитых европейских зодчих, которые кардинально пересмотрели здесь принципы регулярного градостро-

ительства, заложенные итальянским Ренессансом. Новые принципы композиционной завершенности только и могли родиться благодаря пространственным амбициям, которые Европе не были известны.

Новый город стал для Петра (вспомним И. Канта) его «моральным законом» и его «звездным небом»; здесь он реализовал российскую имперскую идею через покоренное и *оформленное* пространство. Как известно, первоначальное понятие Логоса — у Гераклита и Парменида — означало «Топос нашей мысли» (позднее первичный смысл останется у Аристотеля в понятии Топоса, а с Логосом он соединит логическую способность или свойство нашего языка). Этот первичный «топос-логос» античные философы называли «производящим логосом», способным инициировать акты особого видения и понимания. Петербург был наделен этой способностью в самых своих истоках и потому смог раскрыться как город «великого человека» — и «маленького человека», город Пушкина и Достоевского, при этом он обретал себя то в реалиях бюрократической чопорности, то в символике миражей, то в актуальности прекрасного мгновения. Трехмерное пространство этого города по-особому входило в формат живописной плоскости или плоскости графического листа, где происходило его превращение в «здесь-бытие» — в город петровских реминисценций, классических ансамблей, литературных парафраз, в город современных ритмов и т. д.

Петербург как «производящий логос» многолик и одновременно целостен, его вопрошание, провоцирующее каждый раз новую возможность его видения и понимания, не исчезает и не дает успокоиться.

Литература

1. Даниэль С. М. Европейский классицизм. СПб., 2003.
2. Кириченко Е. М. Взаимосвязи России и Запада в архитектуре Нового времени (Зодчество России в контексте мировой архитектуры) // Вопросы искусствознания. 1993. № 2–3.
3. Бунин А. В. История градостроительного искусства / А. В. Бунин, Т. Ф. Саваренская. М., 1979; Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблема семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18: Семиотика города и городской культуры.
4. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А. В. Лебедева. М., 1989.